

КЭЙТЛИН БИТНЕР РОТ

ВНЕЗАПНАЯ
СТРАСТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р79

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kathleen Bittner Roth

CELINE

Перевод с английского Т. А. Осинной

Компьютерный дизайн Э. Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Рот, Кэйтлин Битнер.

Р79 Внезапная страсть : [роман] / Кэйтлин Битнер
Рот ; [перевод с английского Т. А. Осинной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-120750-2

Молодая прелестная вдова Селина Керкленд, чудом избежавшая ужасной гибели, которая постигла всю ее семью, живет в гостеприимном доме друга своего отца, богатого плантатора Андруза, и постепенно влюбляется в его старшего сына Тревора. Молодой господин полностью разделяет чувства красавицы, и, казалось бы, ничто не угрожает их будущему счастью... но случайное и нелепое недоразумение заставляет Селину поверить, что возлюбленный не верен ей. Ни одна истинная леди не потерпит подобного унижения, и Тревору придется многое пережить, чтобы Селина поверила в его искренность и открыла для него сердце...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Kathleen Bittner Roth, 2014

© Перевод. Т.А. Осина, 2016

ISBN 978-5-17-120750-2

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Апрель 1853 года

Приход Сент-Джеймс, Луизиана

Селина Керкленд смотрела на простой деревянный гроб. Дождь барабанил по крышке, превращая открытую могилу в грязную яму. Острый запах сырой земли и привкус песка во рту вызывали тошноту. Дул пронзительный ветер. Ледяные капли окружали плотной пеленой и иглами вонзались в щеки. Дрожа, Селина плотнее запахнула длинный плащ с капюшоном. Казалось, озябшая природа тоже прощалась с ее свекровью.

Стивен взял Селину за руку.

— Погода становится все хуже. Пора возвращаться домой.

Оцепенев от горя и холода, Селина забралась в повозку и села рядом со свекром; муж устроился на козлах. Ослепительная молния разорвала небо, и почти одновременно землю потряс оглушительный гром. Селина обхватила руками округлившийся живот, словно пытаясь успокоить отчаянно толкавшегося ребенка.

Дождь сердито набирал силу и скоро превратился в ливень.

— Господи, что за напасть! — простонал Стивен и взмахнул кнутом.

Лошади нехотя послушались и куда-то побрели. Селина попыталась удобнее устроиться на жесткой скамье.

Как ему удавалось что-то разглядеть в этой беспросветной мгле?

— Должно быть, скоро появится мост?

Лошади дернули и с диким ржанием рванули влево.

— Тпру! — закричал Стивен, но голос утонул в громовом раскате.

Повозка опрокинулась. Селина в ужасе вцепилась в грубый край; из разодранных ладоней потекла кровь — такая же холодная, как нескончаемый ливень.

Обезумевшие лошади били копытами. Одна снова заржала, раздувая ноздри, и попыталась двинуться вперед. Вторая натянула вожжи, стараясь повернуть назад. Надеюсь усмирить испуганных животных, Стивен отчаянно размахивал кнутом, и в этот миг вспышка молнии озарила путь.

Там, где должен был стоять мост, зияла черная дыра, но Селина слишком поздно увидела обрыв и слишком поздно закричала.

Лошади и повозка столкнулись. Воздух наполнился ржанием, скрипом, стуком железа о дерево. Повозка понеслась к реке.

— Госпожа Селина!

Селина вздрогнула, проснулась и едва успела удержаться, чтобы не упасть с подоконника. Провела ладонью по глазам, удивилась яркому солнцу и посмотрела на Мари. Горничная стояла возле кровати, складывая одежду и бросая на нее встревоженные взгляды.

— Прости, я, кажется, кричала? — Селина потеряла затекшую шею.

— Снова дурной сон?

Селина кивнула.

— К тому же уснули сидя. Простите, мадам, но если ложиться ночью в постель, то постепенно можно привык-

нуть отдыхать по-человечески, а не дремать на подоконнике, как кошка.

— Тебе известно, что мешает мне нормально спать. — Селина встала с синих бархатных подушек и подошла к туалетному столику.

— Прошел всего лишь год с того дня, когда мистер Андруз нашел вас под сломанной повозкой. — Голос Мари смягчился. — Страшные воспоминания еще не успели отступить. Такая тяжкая потеря!

Раздался короткий стук в дверь, в спальню заглянул юный Линдзи Андруз и с сияющим видом провозгласил:

— Тревор возвращается! Тревор возвращается!

Селина поморщилась от слишком громкого голоса. Мальчик широко улыбнулся; веснушчатое лицо вспыхнуло восторгом.

— Здравствуйте, миссис Селина. Мой старший брат едет домой.

Она кивнула и слабо улыбнулась.

— Спасибо, Линдзи, но мне об этом уже известно.

Парень исчез, а из-за двери донесся радостный смех.

Удивляясь своему мрачному настроению, Селина принялась складывать туалетные принадлежности в одну корзину, а ленты, гребни и расчески — в другую.

Горничная поставила одну из корзинок на кровать, чтобы убрать белье.

— Ах, этот несносный мисчи Тревор! Знаете, что он приехал в Новый Орлеан уже неделю назад, но только вчера вечером соизволил сообщить отцу о том, что возвращается домой? Фу какой стыд!

— Откуда мне об этом знать?

Селина заметила, что горничная назвала старшего сына Джастина Андруза «мисчи»: этот местный вариант французского слова «месье» выражал особую симпатию. Шоко-

ладная кожа служанки блестела от пота: с раннего утра она старательно переносила вещи госпожи в другую комнату.

— Не пора ли тебе немного отдохнуть, Мари?

— Нет-нет, все хорошо. — Горничная широко улыбнулась и продолжила начатый разговор: — Наверное, мисчи Тревор перевернул вверх дном весь Новый Орлеан. Готова поспорить, что после его отъезда Англия наконец-то вздохнула спокойно. Зато теперь нашим папашам будет не до сна.

Селина бросила в корзинку щетку, но промахнулась — та со стуком упала на пол, — подняла, бросила снова — на сей раз удачно — и начала разбирать ленты.

Мари тут же вмешалась:

— Pardonnez-moi. Ne vous en faites pas*.

Селина взглянула на пестрый клубок, вздохнула и бросила ленты вслед за щеткой.

— Да, пожалуй, лучше доверить все тебе, я только мешаю.

На певучий диалект французского квартала Мари переходила всякий раз, когда пыталась успокоить госпожу. Она обладала редкой способностью имитировать любой акцент, услышав лишь несколько слов. Селина порой подозревала, что те гибкие французские интонации, которые горничная выдавала за собственные, были столь же искусным подражанием. Своей пестрой, красочной речью Мари артистично создавала иллюзию небольшой разноязычной толпы.

Горничная озабоченно нахмурилась:

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Отлично, — соврала Селина.

Добрела до окна и снова устало опустила на низкий подоконник. Тяжело вздохнула, поставила локти на карниз, опустила подбородок на сложенные ладони и посмо-

* Извините. Не надо этого делать (*фр.*).

трела на игравшую во дворе веселую компанию: дети слуг и рабочих с плантации танцевали и пели под руководством старшего мальчика, который ритмично прищелкивал языком и топал ногой. Слова Селина слышала плохо, но все-таки понимала, что речь в песне идет о Треворе. Казалось, этого таинственного человека с нетерпением ждали все — разумеется, кроме нее.

Вытирая краем передника мокрый от пота лоб, из кухни вышла повариха Золя. Должно быть, сбилась с ног, готовясь к приезду дорогого гостя. Наверняка на плите уже вовсю кипели и булькали многочисленные котелки и кастрюли. Даже на расстоянии в воздухе витали волшебные ароматы секретных подливок, филе и святой троицы луизианской кухни — сельдерея, душистого перца и лука. Желудок требовательно заурчал.

— Кажется, Золя готовит бамию?

— И джамбалайю — уточнила Мари. — Любимые блюда мисчи Тревора.

Селина взглянула вопросительно, и Мари выразительно вскинула брови.

— Вы же знаете, что наша мастерица всегда старается приготовить гостям что-нибудь особенное.

Гостям? Но разве Тревора можно считать гостем? Его не было дома всего два года. Селина навевалась в кухню не часто, но успела заметить, что повариха тоже называет молодого господина «мисчи». Почему все говорят об этом человеке с такой нескрываемой любовью? Он же самый настоящий распутник — во всяком случае, если верить слухам.

Но кто дал ей право судить? Мари и Золя знают Тревора с рождения, а она даже ни разу не видела. Если кто-то здесь и был гостем, то именно она, Селина. С мистером Андрузом она познакомилась только в прошлом году, на похоронах свекрови. Родственников у Селины не оста-

лось, а возвратиться в опустевший дом не позволила тяжелая болезнь и горечь потери. Джастин сжалился и пригласил к себе.

Сердце снова печально защемило. Почему же в последнее время стало так плохо? Селина потерла руку: от плеча до запястья тянулся тонкий красный шрам — напоминание о страшном несчастье, жестоко лишившем ее и мужа, и ребенка.

Мари подошла и остановилась рядом.

— Мадам, вы еще ни слова не сказали о тех прекрасных платьях, которые прислал из города мистер Андруз. Они вам не нравятся?

— Очень нравятся.

— Так в чем же дело?

Селина пожала плечами. Разве можно ответить, в чем дело, когда не понимаешь даже собственных мыслей?

— После смерти матери мисчи Тревор все время сидел на этом подоконнике, подперев ладонью подбородок, и смотрел в никуда — точно так же, как вы.

Селина отдернула локти от карниза, как отдергивают палец от раскаленной плиты.

Мари нахмурилась.

— Сдается мне, что новый гардероб не слишком вас интересует. Письмо от мисчи Тревора пришло на том же пароходе, который привез платья. — Она внезапно смягчилась и потянулась, чтобы поправить локон, самовольно выбившийся из прически и спустившийся на шею. — Беспокойтесь насчет проказ мисчи Тревора? Наверняка немало слышали о его похождениях.

Селина вспыхнула и недовольно повела плечами.

— Не говори глупостей.

Мари тут же опустила руку, на шаг отступила и заговорила на причудливом креольском диалекте, обладавшем удивительной способностью поднимать настроение.

— Не тревожьтесь о мисчи Треворе. Он не станет к вам приставать. Пусть он повеса и порой даже ведет себя как дурачок, но ни разу не слышала, чтобы надоедал той, которая этого не хочет.

Селина рассмеялась.

— Вот уж не задумывалась о том, что твой мисчи Тревор может «приставать» ко мне. — Она отвернулась к окну, но все-таки успела заметить, как весело, широко улыбнулась Мари. — Ради всего святого, я же не выползла из-под камня.

То ли подействовало легкое поддразнивание, то ли сияющая улыбка осветила комнату, но на душе стало легче.

— Может быть, хотите принять горячую ванну, госпожа Селина?

— Лучше продолжай работу, а то до приезда Тревора не успеешь перенести мои вещи из его комнаты в гостевую.

Мари снова улыбнулась.

— Пароход из Нового Орлеана придет на закате, а нам пока надо дождаться полудня. — Она подняла самую большую корзину и понесла к двери.

Из коридора донесся зычный голос мистера Андруза.

— Ради бога, Мари, что ты делаешь?

— Убираю вещи мадам из спальни мисчи Тревора и переносу в комнату для гостей, сэр, — деловито ответила та.

— Сейчас же верни все на место.

Селина вскочила с подоконника и подбежала к двери.

— Мари всего лишь выполняет мое распоряжение.

Хозяин не стал повторять, а просто молча посмотрел на служанку.

Мари понимающе кивнула и, словно не замечая присутствия Селины, поспешила обратно.

Мистер Андруз провел ладонью по седым волосам.

— Позвольте спросить, что заставило вас затеять всю эту суету с переездом в гостевую комнату?

Селина скрестила руки на груди.

— Разве вы не слышали? Ваш сын возвращается.

Мистер Андруз нахмурил густые брови.

— Он пробудет здесь недолго... несколько дней.

Селина растерялась.

— Правда?

Хозяин насмешливо склонил голову.

— Неужели вы действительно поверили, что мой тридцатилетний сын собрался жить вместе с отцом? Он приехал из Лондона по делам — в Новый Орлеан, а не сюда.

Внезапно на Селину навалилось чувство одиночества. Как она пропустила всю эту историю? Даже слуги наверняка знают, что Тревор проведет в родном доме считанные дни, а ей до сих пор ничего не известно. Она осталась в стороне — чужая, случайная приживалка.

Селина выпрямилась и решительно расправила плечи.

— Гостевая комната мне больше нравится. Эта выглядит чересчур мужской.

Джастин подошел ближе, подавляя высоким ростом и мощным сложением.

— Не пытайтесь меня обмануть.

Решительный жест, безотказно действовавший на непослушных детей, заставил Селину забыть о возражениях.

— И даже не надейтесь переубедить.

Он постоял так несколько секунд, а потом усмехнулся, отступил и по-отечески похлопал ее по плечу.

— Простите. Наверное, я сам виноват: не разъяснил ситуацию.

Продолжая говорить, мистер Андруз направился к лестнице.

— Поскольку Тревора привели в Новый Орлеан важные дела в конторе нашей судоходной компании, он остановился в городском доме. А примерно через неделю из Англии приедут мои брат и племянник. Все мы с нетерпением

ем ждем прибытия новых кораблей, так что общее волнение вполне понятно.

— Но разве хорошо принимать сына в гостевой комнате? — робко осведомилась Селина вдогонку.

Мистер Андруз остановился на верхней ступеньке и обернулся.

— Не беспокойтесь. Тревор — взрослый мужчина. Несмотря на все, что вы, несомненно, слышали, мой сын прилично воспитан.

Он энергично пошел вниз, с каждой ступенькой повышая голос.

— Постарайтесь принять желания старика, Селина. Я специально поселил вас в эту удобную спальню, потому что для восстановления сил необходимо спокойствие. Признайтесь: у вас лучший вид на сад, да и вся галерея в этом крыле в вашем распоряжении.

Несмотря на то что хозяин уже не мог увидеть, Селина закусила губу и кивнула.

— Что ж, хорошо. — Она повернулась и остановилась в дверях, рассматривая комнату, в которой прожила целый год.

Тревор явно предпочитал синий цвет. Если не считать темно-красного персидского ковра на полу, в интерьере доминировал кобальт. Даже керамический кувшин и таз на мраморном столике в углу радовали глаз глубокой синевой. Роскошная резная кровать вишневого дерева, на четырех столбах, с пологом, такой же стол, глубокое кресло у камина, где она много вечеров провела за книгами, — тоже обитое синим бархатом. Трудно представить комнату красивее, уютнее и удобнее.

Чересчур мужская? Конечно же, нет. Селине здесь все нравилось.

На глаза навернулись слезы. Ах если бы рядом не было Мари, можно было бы от души поплакать!

Пар медленно поднимался, унося с собой напряжение и тревогу. Мари старательно намазывала госпожу. Иногда бывает приятно, когда за тобой ухаживают.

— Какой замечательный сегодня день, Мари. Будь добра, открой дверь в галерею, чтобы доносился запах роз, а не стряпни.

Мари распахнула французское окно. В комнату влетел легкий ветерок и принялся играть кружевными шторами. Легкая ткань затрепетала, словно крылья бабочки. Головокружительный аромат цветов смешался с доносившимся из кухни пряным духом.

— Весной так чудесно, правда? Цветы распускаются. Все выглядит таким чистым и свежим, а вечерами еще достаточно прохладно, чтобы уютно устроиться в кресле у камина. Я рада, что осталась в живых. За год все так изменилось.

Мари присела на стул возле ванны и начала расчесывать густые локоны госпожи.

— В первые месяцы ваши волосы казались безжизненными и больше походили на мочалку.

— Это потому, что сама я чувствовала себя безжизненной.

— А сейчас цвет напоминает крепкий кофе. И как блестят! Кажется, что отсвечивают золотом. Любовалась бы вечно. Да и на вас тоже приятно посмотреть, ничего не скажешь. — Мари умолкла и сосредоточилась на работе.

Селина глубже опустила в ванну, закрыла глаза и погрузилась в доносившиеся с плантации звуки и запахи. Из забытья ее вывели гулкие удары колокола: три, потом еще три. Сигнал означал, что капитан колесного парохода остановился у берега, чтобы высадить пассажиров.

Мари вскочила.

— Ах господи! Три удара, не два — значит, это не груз, а люди. Неужто мисси Тревор приехал так быстро?

Снизу донесся топот множества ног.

— Тревор вернулся! — крикнул Линдзи возле двери, а в следующую секунду на лестнице послышался звук быстро удаляющихся шагов.

Селина стремительно села; сердце почему-то отчаянно стучало.

— Ты же сказала, что молодой господин приедет на вечернем пароходе!

Мари взволнованно забегала по комнате.

— Ах, госпожа Селина, как же мне успеть одеть вас и причесать, пока он дойдет от пристани до дома?

— Ради бога, успокойся. Так точно ничего не успеешь. Лучше подай полотенце. — Селина встала, обернулась полотенцем и вышла из ванны. — Не собираюсь приветствовать твоего дорогого мисчи Тревора вместе со всеми. Знакомство может состояться во время... — Она взмахнула рукой. — Во время его любимых гамбо и джамбалайи.

Она вытерлась и взяла с кресла лавандовое муслиновое платье. Какое облегчение сменить, наконец, удручающий черный цвет, который носила весь год!

— Как, по-твоему?

Мари стояла возле кровати, нервно теребя белоснежный передник, и смотрела, как обнаженная госпожа летает по комнате.

Не обращая внимания на служанку, та выбрала широкий фиолетовый пояс и подходящие по цвету кожаные туфли.

— Ну вот, теперь все в порядке. Помоги одеться и иди. Волосы подождут до вечера.

Мари нахмурилась и протянула сорочку.

— Не стоит бегать голой перед открытой дверью, когда приехал мисчи Тревор.

— Эта часть дома не просматривается, — успокоила Селина, пока Мари шнуровала корсет. — Ему ведь незачем разгуливать по галерее мимо моей комнаты, правда? Тем

более, как ты сказала, он не станет надоедать той, которая этого не хочет.

Мари рассмеялась забавной имитации креольского акцента и в ответ заговорила на каджуне — акадийском диалекте.

— Да, но мисчи Тревор умеет сделать так, что леди мечтают, чтобы он им надоедал. Прошу прощения, конечно. — Она захихикала, присела в реверансе и поспешила к двери.

Селина подошла к большому зеркалу и внимательно рассмотрела свое отражение. Довольная результатом, взяла флакончик с ароматом ландыша, слегка подушилась, выскользнула в галерею и прошла в переднюю часть дома в надежде тайно увидеть Тревора.

Она спряталась за одной из окружавших двухэтажный особняк дорических колонн и осторожно выглянула. Открытый экипаж стоял в двух сотнях ярдов от дома, на берегу, перед белоснежным кораблем «La Belle Creole» («Прекрасная креолка») — украшением Миссисипи.

Величественный двухпалубный пароход регулярно ходил по главной американской реке мимо Карлтон-Окса, совершая рейсы между Новым Орлеаном и Батон-Ружем, и всякий раз Селина с волнением любовалась его красотой. Те части судна, которые оставались свободными от причудливых кованых завитков, сияли белизной свежей краски. Две высоких элегантных трубы выпускали в небо столбы белого пара, а колесо на корме взбивало воду в пышную пену — тоже белоснежную. Элегантно одетые пассажиры неторопливо прогуливались по верхней палубе, с интересом всматриваясь в бесконечную цепочку плантаций на берегу.

Вот по трапу быстро спустился человек, подошел к поджидавшему экипажу и легко вскочил на сиденье. Должно быть, это и есть долгожданный Тревор. Расстояние не по-

зволюло определить точно, но Селине он показался высоким, как отец и братья, но в то же время темноволосым, как сестра, чье возбужденное щебетанье доносилось с первого этажа.

Трап тут же вернулся на палубу. Механик закрыл дверь, послышалось три удара колокола, колесо закрутилось, вода забурлила, и пароход легко продолжил путь вверх по реке.

Экипаж неторопливо приближался к дому по тенистой аллее, постепенно увеличиваясь в размерах. По обе стороны узкой дороги возвышались раскидистые дубы, и сплетенные ветки создавали зеленый коридор. Селина отошла в глубь галереи, надеясь, что яркие лозы бразильского винограда, плотно опутавшие перила и колонну, за которой она спряталась, прикроют широкую лавандовую юбку. Ах, до чего же некстати этот ужасный криолин!

Линдзи спрыгнул с дерева и с радостным криком побежал за экипажем. Тревор повернулся спиной к дому, чтобы посмотреть на брата; скоро Линдзи догнал экипаж и пошел рядом.

Возле дома, у крыльца, дорогого гостя поджидала радостная толпа родственников и слуг. Селина едва не задохнулась. Ах господи! Такого великолепного мужчину ей еще не приходилось видеть!

Возница остановился посреди двора. Тревор поставил одну ногу на ступеньку и наклонился, чтобы дотянуться до чемодана. Темно-синий сюртук из тонкой шерсти не скрывал его четко очерченных мускулов. Одним быстрым движением он поднял чемодан, спрыгнул и поставил на землю, затем небрежно провел рукой по бедру, разглаживая облегающие бежевые бриджи, заправленные в блестящие черные сапоги до колен.

Селина замерла, не в силах отвести зачарованного взгляда, и даже подошла ближе к краю галереи, чтобы луч-